

Старшая Принцесса пробыла в уезде Цюй всего два дня, после чего отправилась в следующий уезд, чтобы продолжить раздачу продовольствия. В день её отъезда жители уезда Цюй толпились вдоль дорог, чтобы проводить её, и отовсюду доносились лишь бесконечные слова похвалы и восхваления в адрес Старшей Принцессы. Вэй Тинсюй не стала сопровождать её. Напротив, она совершенно безвылазно оставалась в уезде Цюй, ничем не занимаясь и больше не давая Чжэнь Вэньцзюнь никаких поручений. Казалось, она чего-то ждала.

Яд Сяохуа уже распространился по всему её телу, оставив её слабой и беспомощной, способной лишь отдыхать в постели. Чжун Цзи денно и нощно использовала хлопковые ткани, чтобы впитывать яд, сочащийся из её тела, не смыкая глаз двое суток. Линби навещала её несколько раз и, вернувшись, рассказывала Чжэнь Вэньцзюнь, что Сяохуа была в ужасном состоянии, из-за ядовитых испарений её тело раздулось и стало в два раза крупнее, чем у их госпожи. Это совпало с десятилетним периодом атаки яда проклятой горлицы, и было неизвестно, сможет ли она пережить этот критический рубеж.

Вэй Тинсюй часто оставалась рядом с ней, сопровождая её разговорами, и душевное состояние Сяохуа было относительно хорошим. Чжун Цзи упомянула, что яд, распространяющийся по телу, вызывал разъедающую кости боль, которую было очень трудно терпеть. С самого начала детоксикации Сяохуа не проронила ни одной жалобы и не вскрикнула от боли, что вызывало у Чжун Цзи большое восхищение.

- Госпожа Сяохуа воистину герой, я никогда не видела столь решительного человека, - вздыхала Чжун Цзи. - Я однажды спросила её, какая вера поддерживает её в эти трудные дни, и она сказала, что лишь желает поскорее исцелиться и вернуться к госпоже, чтобы помочь ей. Госпоже Вэй воистину можно позавидовать, имея такую добродетельную помощницу, как Сяохуа.

Чжэнь Вэньцзюнь наблюдала, как Чжун Цзи всем сердцем сосредоточена на Сяохуа. Кажется, она не похожа на ещё одного шпиона из семьи Се. В отличие от неё, доктор Сюй часто выходил на улицу, то осматривая пациентов, то заваривая лекарства, собирая небольшие суммы серебра, часто сидя у печи с поломанным веером, напевая песни и кипятя снадобья, выглядя довольно праздно.

Чжэнь Вэньцзюнь несколько раз тайно выслеживала его, но видела лишь, как он лавирует по рыночным площадям, помогая беженцам справляться с недугами - это тоже было мало похоже на попытки передать кому-то тайные сведения. И всё же то, как ловко клан Се подкинул А-Синь прямо к ним в руки, заставляло её всё сильнее подозревать, что, помимо неё самой, здесь кроется еще один лазутчик. Складывалось ощущение, будто клан Се до мельчайших подробностей осведомлен о каждом шаге Вэй Тинсюй. Господин Сюй и Чжун Цзи оставались главными подозреваемыми. Кто же из них двоих шпион? Или же они оба работают на врага?

Мысль о том, что чьи-то чужие глаза неотрывно следят за ней из темноты, неизменно заставляла её настораживаться. И пока она ломала голову над тем, как заставить этого человека явить своё истинное лицо, Вэй Тинсюй продолжала вести праздную жизнь: каждый день она сидела с куском дерева в руках, занимаясь резьбой, и только и делала, что увлеченно беседовала с Чжэнь Вэньцзюнь обо всём на свете. Они рассуждали о военных действиях на северном фронте Великой Юй и перемывали кости министрам и князьям при дворе нынешнего Сына Неба, словно она и впрямь превратилась в праздного, отошедшего от дел человека.

Чжэнь Вэньцзюнь оставалась в полном недоумении, словно двухметровый монах, который никак не может нащупать собственную макушку. Промучавшись так два дня, она наконец не выдержала и спросила Вэй Тинсюй:

- Сестрица, неужели у тебя совсем нет для меня никаких поручений?

Вэй Тинсюй, не отрываясь от резьбы по дереву, спросила в ответ:

- А чем бы тебе хотелось заняться, сестрица? Продовольствие уже раздали, пострадавшие сейчас всюю изливают благодарность Старшей Принцессе. Мы так долго трудились, почему бы не воспользоваться случаем и не перевести дух?

Чжэнь Вэньцзюнь без сил растянулась на столике напротив Вэй Тинсюй, точно лужица грязи, умирая от невыносимой скуки:

- Сестрица, просто дай мне случайно какое-нибудь дело. За эти несколько дней безделья у меня все кости размякли. Уж лучше бы ты всыпала мне пару раз палкой, и то было бы приятнее.

- Ну и упрямая же ты девчонка! Зачем просить о побоях, когда можно пожить в тишине и покое? - Вэй Тинсюй спрятала в широкий рукав деревянную фигурку, которая уже начинала обретать человеческие черты, и поманила её рукой:

- Подойди.

Чжэнь Вэньцзюнь кубарем скатилась со стола, в три прыжка оказалась подле Вэй Тинсюй и, подражая гвардейцам, почтительно сложила ладони перед грудью в воинском приветствии:

- Каковы будут приказы сестрицы? Я готова исполнить любое твоё желание.

Вэй Тинсюй легонько ткнула её указательным пальцем в лоб:

- Отнеси меня в кабинет.

У Чжэнь Вэньцзюнь в то же мгновение бешено заколотилось сердце: слово «кабинет» послужило для неё мощнейшим сигналом.

С того самого дня, когда охранник поймал её с поличным при попытке выкрасть образец почерка Вэй Тинсюй, события вокруг А-Синь и Старшей Принцессы посыпались одно за другим. У неё больше не появлялось удобного случая остаться наедине в спальне Вэй Тинсюй, не говоря уже о таком святом месте, как рабочий кабинет. И пусть из-за болезни Сяохуа все заботы по уходу за хозяйкой теперь целиком легли на её плечи, Чжэнь Вэньцзюнь, при всей своей дерзости, не смела действовать на глазах у Вэй Тинсюй и Линби. К тому же, её не покидало ощущение, что тот бдительный стражник, любитель внезапно врываться в двери, тайно следит за ней из темноты. Стоило оплошать и её схватили бы за руку вместе со всеми краденными уликами.

Но сегодня этот охранник заступил на дежурство во внешнем дворе. Линби же ещё ранним утром ушла куда-то по приказу Вэй Тинсюй. В доме остались только они вдвоем. Если не действовать сейчас, то когда ещё представится такой шанс?

Однако едва они переступили порог кабинета, надежды Чжэнь Вэньцзюнь рухнули. Когда они прибыли в кабинет, Чжэнь Вэньцзюнь думала, что всё будет как раньше с Сяохуа: она будет помогать Вэй Тинсюй разбирать письма, сжигая то, что нужно сжечь, и сохраняя то, что нужно сохранить. Неожиданно ей не досталось никакой праздной работы. Напротив, Вэй Тинсюй поручила ей брать книги из ящичков, связку за связкой, выносить их, вытирать пыль и просушивать на солнце. Вэй Тинсюй же сидела в стороне, попивая чай, и продолжала вырезать

дерево в руке, иногда напоминая Чжэнь Вэньцзюнь, какие книги были более ценными и требовали особой осторожности.

К концу работы Чжэнь Вэньцзюнь уже едва чувствовала собственные руки и ноги. Обессиленная, она растянулась на полу у ног Вэй Тинсюй и услышала её вкрадчивый, с долей лукавства голос:

- Ну что, теперь тебе приятно?

Чжэнь Вэньцзюнь, скрежеща зубами, выдавила:

- Приятно... Приятнее и быть не может.

- Вот и славно. Ближайшие несколько дней будешь приходить сюда и помогать мне доставать все книги из сундуков, чтобы как следует просушить их на солнце. Они пролежали взаперти всю зиму, если сейчас их хорошенько не проветрить, их источит книжный червь.

Чжэнь Вэньцзюнь ответила:

- Хорошо.

Приводя в порядок книги только что, она заметила множество пометок, сделанных Вэй Тинсюй на свитках. По сравнению с письмами, такой вид почерка был наименее охраняемым, с ярко выраженными привычным стилем и силой нажима. Если бы она опрометчиво украли письма, это неизбежно вызвало бы подозрения Вэй Тинсюй и того стражника, но что, если бы она подделала почерк?

Она тайно запечатлела в уме особенности письма Вэй Тинсюй и практиковалась несколько раз после возвращения. Пользуясь днями, когда она помогала Вэй Тинсюй разбирать книги, даже находясь прямо под носом у Вэй Тинсюй, она могла открыто сравнивать различия между своей подделкой и почерком Вэй Тинсюй. К тому времени, когда разборка книг была закончена, ей удалось сложить набор знаков, чрезвычайно похожих на почерк Вэй Тинсюй.

Чжэнь Вэньцзюнь специально выбирала только общеупотребительные слова, так что даже если бы Вэй Тинсюй обнаружила, не было бы способа расследовать происхождение этих знаков. Она написала иероглифы на шёлковой ткани, разрежала на маленькие кусочки и засунула их в паровые булочки.

Несмотря на то, что Старшая Принцесса Ли Яньи раздавала в уезде Цюй несколько сотен повозок с продовольствием для помощи голодающим, улицы города всё ещё ломились от обездоленных беженцев, которым едва хватало еды, чтобы набить желудок. В особенности это касалось сирот, потерявших родителей: в предрассветной весенней прохладе они ходили едва ли не нагишом. Днём они ютились у порогов поместий богатых и знатных семей, вымаливая хоть какую-нибудь кроху съестного, а с наступлением ночи прятались в полуразрушенных шалашах, где прижимались друг к другу, чтобы согреться. Вэй Тинсюй, видя их жалкое положение, велела каждый день уносить оставшиеся паровые булочки и лапшу в уличные лачуги к этим детям.

Сами небеса и земля даровали идеальный момент для действий. Чжэнь Вэньцзюнь спрятала булочки с кусочками ткани в рукаве, затем положила их в бамбуковую корзину, чтобы та ничем не выделялась среди прочих. Выкатив из ворот груженую едой телегу, она направилась напрямиком к условленному шалашу, где договорилась встретиться с Янь Е. Она раздавала еду, одновременно выискивая его местонахождение. Вскоре Янь Е появился сам, и Чжэнь

Вэньцзюнь выставила перед ним корзину с лепешками. Он поблагодарил её и исчез в толпе...

Когда они вернулись, Вэй Тинсюй подозвала её к себе и сказала, что хочет сделать подарок. Чжэнь Вэньцзюнь искренне удивилась:

- Что это сегодня за особенный день, раз сестрица решила сделать мне подарок?

- Как, неужели ты сама не знаешь? - Вэй Тинсюй казалась ещё более удивлённой, держа что-то, покрытое тканью, словно уверенная, что Чжэнь Вэньцзюнь непременно вспомнит, улыбаясь и глядя на неё в ожидании её слов.

Чжэнь Вэньцзюнь стояла неловко и нервно на месте, её улыбка застыла, глаза бегали по сторонам. С большой решимостью она внезапно прозрела и тяжело воскликнула «о», радостно сказав:

- Сестрица на самом деле ещё помнит! В самом деле... я сама уже забыла!

Вэй Тинсюй подняла ткань и протянула ей деревянную куклу: - Посмотри, похожа на тебя? Все эти годы ты следовала за мной, колеся по всему свету и не зная отдыха, а я ведь так ни разу и не устроила праздника в честь твоего дня рождения. В этом году как раз выдалось спокойное время, вот я и решила собственноручно вырезать подарок, вложив в него всю свою искренность и преданность. Пусть это будет даром на твоё семнадцатилетие.

Чжэнь Вэньцзюнь приняла деревянную фигурку и увидела, что та выполнена невероятно искусно и выглядит точь-в-точь как она сама: забавная, подвижная, со слегка озорными повадками дикой обезьянки. Взглянув на пальцы Вэй Тинсюй, она заметила на них несколько свежих порезов. Кто бы мог подумать, что хозяйка проявит к ней такую трогательную заботу.

- Ну как? Тебе нравится? - спросила Вэй Тинсюй, не дождавшись от неё никакой реакции, пока та молча сжимала куклу в ладонях.

Чжэнь Вэньцзюнь с трепетом и нежностью погладила дерево, и в её глазах постепенно начали проступать слёзы.

- Нравится, очень-очень нравится, - эти слова были сказаны от всего сердца, и от подступивших слёз её голос даже слегка охрип. - Не ожидала, что сестра так внимательна ко мне... Мне... мне так повезло быть рядом с тобой.

- Ну чего ты расплакалась в такой прекрасный день? Иди сюда, - Вэй Тинсюй поманила её рукой. Чжэнь Вэньцзюнь, прижав деревянную куклу к груди, опустилась на колени перед ней. Вэй Тинсюй аккуратно промокнула её слёзы платком, а затем обхватила ладонями её красивое лицо, принимаясь пристально всматриваться в него.

- Не успела я и глазом моргнуть, как сестрице исполнилось семнадцать, а всё ещё плачет по любому поводу.

Чжэнь Вэньцзюнь уже собиралась расточать в ответ сладкие речи, как Вэй Тинсюй добавила:

- В таком возрасте уже замуж пора выходить, а ты всё ведешь себя как ребёнок.

У Чжэнь Вэньцзюнь от этих слов перехватило дыхание, и она тут же крепко обняла Вэй Тинсюй, прижавшись лицом к её ногам:

- Не пойду я замуж! Сестра, пожалуйста, не выдавай меня ни за кого. Твоя сестрица хочет вечно быть с тобой и прислуживать тебе!

- Говоришь как дитя малое. Ладно, ладно, перестань плакать, не то завтра глаза опухнут.

В этот миг в их поведении всё ещё оставалась доля притворства и игры, однако в глубине души Чжэнь Вэньцзюнь действительно ощутила щемящую тоску. Вэй Тинсюй и впрямь относилась к ней замечательно, но ведь сама она, в конечном счете, была лишь шпионкой, которая буквально только что втайне передала врагам образец почерка Вэй Тинсюй. Вспоминая фальшивую любезность между Вэй Тинсюй и Ли Яньи, она понимала, что те пытаются скрыть наметившийся раскол. Хотя Чжэнь Вэньцзюнь не знала наверняка, что именно произошло, она догадывалась, что у истории с А-Синь появилось продолжение, и заговор с целью их ссоры оказался куда глубже, чем казалось. Вэй Тинсюй не стала посвящать её в подробности лишь потому, что не хотела привлекать лишнего внимания. В подобных играх разума, чем меньше людей знают правду, тем лучше, чтобы ненароком не выдать себя и не наделать глупостей. Вэй Тинсюй и Ли Яньи затаили свои мысли в глубине сердец, но приведет ли переданный шпионами образец почерка к ещё большим потрясениям?

Ответ был очевиден: безусловно. На самом деле, чем сильнее разгоралась смута, тем выше становилась ценность Чжэнь Вэньцзюнь как лазутчицы. Эту стратегию она определила для себя с самого начала. Однако теперь она столкнулась с самой пугающей для себя проблемой: она постепенно начала испытывать к Вэй Тинсюй настоящие, искренние чувства.

Если бы клан Се прямо сейчас приказал ей убить Вэй Тинсюй в обмен на жизнь её родной матери, смогла бы она поднять руку?

Её внутренний ответ был: «Я не знаю».

Ей оставалось лишь благодарить Се Фучэня за то, что тот вызволил её мать из рук Се Тайхана и требовал от неё лишь сбор сведений, а не заказное убийство. В противном случае она оказалась бы в куда более невыносимом положении.

Чжэнь Вэньцзюнь раз за разом повторяла себе: Вэй Тинсюй - это всего лишь ценный трофей, который она обязана прибрать к рукам, и ей ни в коем случае нельзя поддаваться чувствам, какими бы они ни были.

Ли Яньи обошла едва ли не весь Суйчуань вдоль и поперек. Двигаясь от уезда Цюй прямо на север, она добралась даже до уезда Цисянь, который больше всего пострадал от наводнивших его беженцев и практически находился под контролем варварских племен. Среди наместников уездов Суйчуаня хватало продажных чинуш вроде наместника Ху, любивших обирать простой народ до нитки, но встречались, разумеется, и честные, благородные чиновники, искренне заботившиеся о людях. На своем пути Ли Яньи не просто раздавала провизию, но и карала злодеев, искореняя предателей, отчего повсюду, куда бы она ни прибыла, раздавались ликующие возгласы. Народ принимал её с величайшим восторгом.

Когда эта весть достигла ушей Ли Цзюя, у него уже почти не осталось чувств. Каким человеком была его старшая сестра, он знал лучше, чем кто-либо другой.

Ли Яньи была непревзойдённой мастерицей пускать пыль в глаза. Пользуясь своим статусом Старшей Принцессы, она могла спокойно покинуть запретные покои дворца и колесить по всей стране. За её спиной не стояла орава старых министров, твердящих наперебой, что Сын Неба обязан блюсти благочестие, ставить во главу угла собственную безопасность и не скитаться по свету ради спокойствия Поднебесной и блага простого люда. На самого же Ли Цзюя мертвым

грузом давили государственные дела, требовавшие его личного рассмотрения. Мало того что от этой рутины у него голова шла кругом, так ему ещё раз за разом приходилось впадать в неистовство из-за бесконечных палок, которые Ли Яньи умудрялась вставлять ему в колеса. Эта борьба уже измотала Ли Цзюя настолько, что он растерял весь свой запал.

В свое время, когда Яо Вэй ушел в отставку, должность главы имперского секретариата (Наншулина) оказалась свободна. Ли Цзюй, разумеется, страстно желал посадить на это место своего доверенного человека, чтобы полностью подчинить себе секретариат (Шаншутай). Однако в дело неожиданно вмешалась вдовствующая императрица, которая лично настояла на назначении Цзо Сюя. А поскольку Цзо Сюй был наставником Ли Яньи, не стоило и сомневаться, что они с принцессой дышали одним воздухом. С официальным вступлением Цзо Сюя в должность Ли Цзюй лишился даже последней возможности запереться в канцелярии и выместить злость. В Шаншутай он больше ни ногой, и каждый раз велел Фэн Куню и Се Фучэню являться для докладов напрямую в дворец Тайцзи или в собственный кабинет.

К настоящему моменту ведающий делами народа сыту Вэй Лунь, ведающий церемониалом шаофу Чжансунь Яо, ведающий казной дасинун Линь Цюань и принимающий решения за императора шаншулин Цзо Сюй¹ - абсолютно все они были людьми Ли Яньи. Эта агрессивная группа наступала столь стремительно и яростно, что уже обрела силу закрывать одной ладонью небеса, и их хищные взгляды были неотрывно прикованы к его императорскому трону. И если за его собственной спиной стояла лишь толпа престарелых консервативных министров, то единственными столпами, способными противостоять группировке клана Вэй, оставались Фэн Кунь и Се Фучэнь.

¹Иерархия министерств (三府六部) — структура управления отражает систему «трех гунов и девяти министров» (Саньгун цзюцин) древнего Китая. Сыту (三) — один из трех высших канцлеров, ведающий переписью, землей и образованием; Шаофу (少府) — управляющий личной казной, имуществом и этикетом императорского двора; Дасинун (大司農) — министр финансов и сельского хозяйства всей империи; Шаншулин (尚書) — глава имперского секретариата, ключевая фигура, контролирующая документооборот и указы. То, что все эти посты заняты людьми Ли Яньи, означает её фактический тотальный контроль над гражданским правительством.

Се Фучэнь был Императорским Цензором (юйши чжунчэн), ответственным за надзор над чиновниками. В прежние годы он совершил немало громких дел, снискав всеобщее признание и похвалу. Не обладай он столь высоким и влиятельным положением, а также бесчисленными учениками и последователями по всей стране, юному Сыну Неба едва ли удалось бы заручиться поддержкой старых министров. Се Фучэнь был его опорой и ногами - той самой нерушимой колонной, благодаря которой Ли Цзюй до сих пор удерживал позиции в дворце Тайцзи. Что же касается Гочжана² Фэн Куня, хоть тот и величался высокопоставленным генералом (пяоцзи дацзянцзюнем), но с момента основания Великой Юй, действовало строгое правило для искоренения захвата власти родственниками императриц, каждому Гочжану давался этот титул. Генерал Пяоцзи благороден, как первый ранг, но не обладает реальной властью, военная власть всё ещё находилась в руках Сыма³.

²Гочжан — Это термин, используемый для обозначения тестя императора, часто переводимый как «императорский тесть». ³Сыма — Исторический титул в древнем Китае, обозначающий высокопоставленного военного чиновника или генерала. Этот титул возник во времена династии Чжоу и со временем претерпел изменения. В различных китайских династиях Сыма отвечал за военные дела, включая командование и организацию войск.

Нынешний старый Сыма, держащий военную власть, являлся потомком верных и доблестных

защитников родины. Хотя он и был довольно близок со Старшей Принцессой, он всегда предлагал советы и строил планы для Ли Цзюя. Он был единственной нейтральной фракцией, обладающей значительной властью в нынешней династии, и именно благодаря его последовательному нейтралитету братоубийственный конфликт между Ли Цзюем и Ли Яньи ещё не был разрешён. Говоря прямо, Ли Цзюй чувствовал, что если бы военная власть попала в руки Ли Яньи, он, возможно, давно бы расстался с жизнью. У Великой Юй, конечно, было мало солдат, но, как говорится, «даже иссохший верблюд все еще массивнее лошади»⁴. Армия Великой Юй, вместе со всеми знатными частными войсками и незарегистрированными селянами, в общей сложности всё ещё насчитывала по крайней мере сто пятьдесят тысяч воинов. Это был последний щит Великой Юй, и Ли Цзюй намеревался намертво зажать его в кулаке, выжидая дня, когда эти силы смогут соединиться с его тайным войском.

⁴Даже иссохший верблюд все еще массивнее лошади (□□□□□□□□) — «шоу сы дэ луото би ма да», популярная поговорка. Означает, что даже некогда великая и могущественная структура (в данном случае — ослабевшее государство Даюй), придя в глубокий упадок, все еще сохраняет колоссальные остаточные ресурсы и скрытый потенциал, превосходящий средних соперников.

Этому старому Сыма было уже за семьдесят, и ранее, в силу особых причин, он не уходил в отставку, чтобы вернуться в родной город. В прошлом месяце он наконец подал прошение об отставке, прося Ли Цзюя освободить должность Сыма. Ли Цзюй понимал, что прежний Сыма в конечном счёте стар и утомлён и хочет держаться подальше от центра водоворота. Вслед за уходом Яо Вэя в правительстве поднялась целая волна отставок среди старейших министров, и император относился к этому с пониманием.

Ли Цзюй уже успел обвести прошение жирным красным кругом и скрепил его императорской печатью, но пока не объявлял о своём решении во всеуслышание. Он выжидал момента, когда Се Фучэнь вернётся с севера, чтобы незамедлительно передать ему пост Сыма. Ранее потеря поста Шаншулина была вызвана поспешной утечкой новостей, что позволило Ли Яньи и семье Гэн воспользоваться возможностью. В этот раз - твердил себе Ли Цзюй - в этот раз тайну нужно сохранить во что бы то ни стало, осечки быть не должно.

Императорский указ о назначении только-только покинул столицу, а Се Фучэнь уже вовсю мчался обратно.

И дело было вовсе не в том, что между правителем и его слугой существовала какая-то мистическая телепатическая связь.

Три дня назад в город Мэнлянь прилетело спешное письмо. Се Фучэнь, который уже долгое время скрывался здесь, изнурённый леденящими, яростными северными ветрами до тяжелой болезни, но упрямо продолжавший воплощать в жизнь секретный план по сбору тайного войска, после прочтения этого послания на месте слёг в постель без чувств.

Первое письмо, полученное Се Фучэнем, пришло от Вэй Тинсюй, и оно было наполнено неопишуемой, изощрённой жестокостью.

Вэй Тинсюй вытребовала у Ли Яньи Лю Фэна по двум причинам: во-первых, она хотела прощупать, насколько сильно принцесса всё ещё настороже по отношению к ней, а во-вторых, Лю Фэн действительно был ей необходим для выполнения конкретной задачи - выслеживания убежища Се Фучэня. Лю Фэн полностью оправдал репутацию искушенного в расследованиях ветерана: не прошло и месяца с его прибытия в Мэнлянь, как он безошибочно установил точное местонахождение Се Фучэня, который до этого искусно прятался, словно в тумане.

Вэй Тинсуй никогда не была из тех, кто безропотно сносит чужие удары и не бьёт в ответ. Она всегда платила за обиды⁵: если ей наносили три удара кулаком, она непременно возвращала три удара клинком. И ту грязную интригу с попыткой рассорить её со Старшей Принцессой она ни за что не собиралась спускать врагам с рук.

⁵(三三三) — «яцзы би бао», идиома, означающая крайнюю мстительность, когда человек жестоко карает даже за косой или гневный взгляд (яцзы).

Ли Яньи и она - обе умные женщины, которые не стали бы путать свои планы в критический момент. Ли Яньи позволила Лю Фэну уйти, не задавая лишних вопросов. Это указывало на то, что она не попала в этот план. По крайней мере, пока. Но ощущение того, что против неё плетут интриги, всё ещё заставляло Вэй Тинсуй чувствовать себя так, словно у неё колючка в горле.

Сложившаяся ситуация, естественно, была делом рук фракции Ли Цзюя, но семья Вэй и семья Се противостояли друг другу столько лет, и Вэй Тинсуй в некоторой степени понимала Се Фучэня. Се Фучэнь всегда гордился собой как главой Цинлю, свято чтит конфуцианские принципы трёх устоев и пяти постоянств, и в обществе его почитали как великого ученого мужа современности. Этот почтенный конфуцианец ни за что на свете не стал бы ради подавления политических врагов насильно пичкать родную дочь Порошком Фужун и уж тем более подкидывать её в чужую постель. Подобное он не то что сам бы делать не стал. Узнай он, что кто-то другой сотворил такое, его бы от ярости на несколько лет вперед перекосило. Точно так же, как в те годы, когда тайная связь между А-Синь и Ли Яньи превратилась в народные баллады, которые распевали по всему Дунчуню: прознав об этом, Се Фучэнь подверг А-Синь жестокому домашнему наказанию по закону семьи, а сам слёг от тяжелой болезни и целых три месяца не являлся ко двору.

Поэтому Вэй Тинсуй разумно предполагала, что Се Фучэнь, безвыездно находившийся в Мэнляне, вряд ли выступал главным зачинщиком этой интриги. Возможно, до этого додумался сам Ли Цзюй, а может, всё спланировал тесть императора. Неважно, сгодился бы любой. С точки зрения Цинлю, использование А-Синь в качестве приманки было очень опасным, раздор мог вызвать недовольство среди их собственных союзников. Это был рискованный шаг, и тот, кто его планировал, должно быть, был морально готов нести этот риск.

Раз уж так, пусть эта подготовка не пропадёт даром.

Будучи главой клана Се, Се Фучэнь обязан знать о случившемся. И если он до сих пор пребывает в неведении, Вэй Тинсуй самолично позаботится о том, чтобы до него донесли эту весть.

Се Фучэнь слёг и не мог встать с постели, из-за чего Лю Фэну никак не удавалось разузнать о нём хоть какие-то новости. Старик не делал наружу ни единого шага, целыми днями безвылазно оставаясь в покоях за закрытыми дверями. Лю Фэн караулил его целых десять дней, но всё без толку. В дом лишь то и дело входили и выходили слуги, носившие лекарства.

Лю Фэн переправил это известие обратно в Суйчуань, и Вэй Тинсуй, получив послание, уловила в происходящем едва заметный, тонкий подтекст.

- Се Фучэнь и впрямь на редкость хладнокровен. Я отправила ему весть от имени старейшин его собственного родового клана Се, а он умудряется никак не проявлять себя. Должно быть, уже раскусил, что это мы пытаемся сыграть на их разногласиях.

Глубокая ночь, уединённый домик. Перед ними теплилась масляная лампа. А-Ляо и Вэй

Тинсюй сидели лицом к лицу, а подле их рук стояли две чарки с вином.

- Из-за подлой ловушки, в которую угодила А-Синь, он определенно рвет и мечет от ярости, но точно не станет в лоб требовать объяснений. Если уж мы со Старшей Принцессой сумели подавить взаимные подозрения, то Се Фучэнь и подавно не пойдет устраивать прилюдный допрос с пристрастием. Однако, упомянут они вслух историю А-Синь или нет, Се Фучэнь отныне будет держать ухо востро с Ли Цзюем и остальными, а Ли Цзюй, в свою очередь, убоится мести Се Фучэня и неизбежно усилит бдительность, - Вэй Тинсюй осушила чарку до дна и медленно опустила её на стол. - Что ж, тогда мы просто отплатим им их же монетой.

- Значит, то самое дело... - А-Ляо подалась вперед, и отблески пламени заплясали на её безупречном, словно нефрит, лице, - уже почти пора начинать?

- Именно так, - лицо Вэй Тинсюй, тронутое винным хмелем, вовсе не выглядело затуманенным. Напротив, на нем проступило пугающее, опасное выражение. - Эта интрига с раздором придётся здесь как нельзя кстати, нам стоит хорошенько поблагодарить того, кто её подстроил. Совсем скоро Се Фучэню представится идеальный случай пойти войной на Фэн Куня, чтобы отомстить за дочь, и при этом Ли Цзюй не сможет выдавить из себя ни единого лишнего слова в их защиту. Разве дуэт Се и Фэна не величают хваленой «опорой Великой Юй» и «ногами Сына Неба»? Что ж, для начала я перебью им одну ногу.

<http://bllate.org/book/17227/1636037>